

ДВИЖЕНИЕ БАГАУДОВ

А. Д. Дмитриев

Движение багаудов — важный этап в истории революции рабов. Это широкое массовое движение, возникшее в Галлии в III веке, в течение двух веков подтачивало могущество державного Рима. Подавляемое силой римского оружия, оно вспыхивало вновь, втягивая в борьбу новые силы.

Это движение, направленное в первую очередь против крупного галло-римского землевладения, способствовало разрушению рабовладельческого хозяйства и утверждению на территории Галлии варварских племен.

Галлия играла важную военно-стратегическую и политическую роль в эпоху распада империи. Она отодвигала римскую границу до самого Рейна и этим создала против вторгавшихся варваров более мощную защиту, чем Альпы. Поэтому восстания и революции в Галлии были гораздо опаснее для империи, чем такие же революции в других провинциях.

Движение багаудов до сих пор остается малоисследованным. Специальных работ о багаудах нет, а в общих работах буржуазных историков по истории Рима и Галлии об этом движении говорится только в общих чертах, и трактуется оно обычно как движение «разбойничьих банд».

Что означает самое слово «багауды», какова его этимология, об этом римские писатели не сообщают нам решительно ничего. Поэтому среди ученых до настоящего времени нет согласия в понимании этого слова. Некоторые историки толкуют слово «багауд» в смысле «борющегося», «борца», предполагая, что это слово происходит от кельтского *baia* — «борьба».

Римские писатели, отражавшие официальную точку зрения, вкладывали в термин «багауды» презрительный оттенок, отождествляя багаудов с разбойниками.

Так, Евмений прямо называет багаудов, осадивших город Августодун, разбойниками¹. Аврелий Виктор говорит о «шайках поселян и разбойников, которых местные жители называют багаудами»². Орозий также говорит о «шайках поселян, которых называли багаудами»³. Сальвиан достаточно ясно подчеркивает, что слово «багауд» — оскорбительное, унижительное прозвище. «Теперь — пишет он, — у меня речь о багаудах.

¹ Paneg. lat., IV, 4: *latrocinio Bagaudicae rebellionis obsessa...*

² A u r. V i c t., De Caes., XXXIX, 17: *«excita manu agrestium ac latronum quos Bagaudas incolae vocant».*

³ O r o s., Adversum paganos hist., VII, 25: *«collecta rusticano manu, quos Bagaudas vocabant».*

Ограбленные жестокими и кровожадными судьями, удрученные, угнетенные, утратив право на римскую свободу, они потеряли также уважение к римскому имени. И мы вменяем им в вину их несчастье, ставим в вину их бедствия и даем им ненавистное имя, которое сами создали. Мы называем их мятежниками, называем погибшими людьми, после того как сами принудили их к преступлению. Ибо от чего другого они сделались багаудами, как не от наших насилий, от несправедливости наших судей, как не от поборов и грабежей со стороны тех, которые превратили общественные повинности в свой личный доход и сделали налоги своей добычей... Мы своими насилиями вынуждаем их быть багаудами... они терпят муку по необходимости, не по желанию»¹.

В устах господствующих классов Галлии слово «багауд» было равнозначно нашим словам «бандит, разбойник, бродяга, беглый». Именем багаудов галло-римские рабовладельцы окрестили все, что было в Галлии бездомного, нищего, угнетенного, — беглых рабов и колонов, разоренных ростовщической кабалой крестьян, беглых солдат-дезертиров и городской плебе, выбитый из колеи трудовой жизни.

Эти элементы не ограничивались только чисто пассивной формой борьбы. Неоднократно они брали в руки оружие и шли открыто на смертный бой против своих галло-римских эксплуататоров. Но в глазах последних они были только преступниками, разбойниками, бандитами.

Дюканж в своем *Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis* говорит, что на древнем галльском языке слово *Bagat* или *Bagad* обозначало толпу, сброд, сборище людей (*hominum collectio*). У византийского лексикографа Свиды слово *βαγαύδας* производится от глагола *βαγάζειν*, что значит «шататься», «бродить», и соответствует латинскому *vagari, vagantes*.

Багауды дали знать о себе уже при императоре Коммодe (180—192) во время восстания Матерна.

С конца II в. положение сельского населения Галлии сделалось особенно тяжелым. С 70—80-х годов Галлия вступила в полосу жестокого аграрного кризиса, из которого не могла выйти в продолжение 15—20 лет. Особенно тяжело отозвались на сельском хозяйстве Галлии длительные внешние войны империи и страшная эпидемия чумы.

Войны — сначала парфянская (161—165), а затем тяжелая маркоманская война (167—180) — стоили империи колоссальных жертв и сильно сократили количество рабочих рук на полях и плантациях галло-римских магнатов. Императору Марку Аврелию (161—180) пришлось призвать на военную службу поголовно всех граждан-италиков и провинциалов, а для пополнения убыли в армии он должен был вооружать гладиаторов, рабов, вольноотпущенников, и даже разбойников (*SHA, Marc. Aurel.*, 21).

Чума, занесенная с Востока и охватившая все провинции, страшно опустошила и Галлию. Евтропий, быть может, несколько преувеличивая, рисует печальную картину. Виллы, поля, города, — пишет он, — были заброшены, обезлюдели и превратились в руины и леса (*Eutrop.*, VII, 15).

Естественно, что аграрный кризис тяжело отозвался в первую очередь на рабах и колонах магнатских поместий. Магнаты, ощущая недостаток в рабочих руках, не замедлили усилить эксплуатацию своих уцелевших рабов. Кроме того, во время эпидемии чумы рабы и колонны массами снимались с мест и бежали, куда глаза глядят. Измученные и голодные они пополняли собой ряды бродяг и, чтобы не умереть с голоду, занимались разбоем.

¹ *Salvian, De gubernatione dei, V, 6.*

Мелкое крестьянское хозяйство также переживало тяжелое положение. Распыленные и неорганизованные мелкие собственники, уцелевшие от чумы, на своих клочках земли в результате продолжительных войн и страшных опустошений чумы стали разоряться и попадать в долговую кабалу. На них, помимо всех бедствий, еще тяжело давил пресс государственных податей и повинностей, которые они не в состоянии были платить. Наконец, началось и разложение римской армии, изнуренной продолжительной и тяжелой войной. Бегство солдат приняло огромные размеры. Вся Галлия буквально кишела дезертирами¹.

Такова была обстановка, когда в 186 г. в Галлии началось восстание Матерна. Оно не было одинокой и случайной вспышкой собравшихся в Галлии шаек дезертиров и разбойников, как обычно расценивают его буржуазные историки. Это было серьезное восстание широких угнетенных и поработанных масс Галлии, начало движения багаудов. Причины, его породившие, нельзя искать в простом желании кучки беглых солдат обогатиться путем грабежа и спустошения страны. Гнет эксплуатации, поборы и налоги начали невыносимо давить на массы. «Римское государство, — говорит Энгельс, — превратилось в гигантскую сложную машину исключительно для высасывания соков из подданных. Налоги, государственные повинности и разного рода оброки погружали массу населения во все более глубокую нищету»². Поэтому восстание сразу же охватило многие районы Галлии и продолжалось около двух лет. Наш единственный источник — Геродиан — очень скупо рассказывает об этом восстании. По словам Геродиана (I, 10), во главе восставших стал простой солдат галльского гарнизона Матерн. Он прежде был «воином, отличившимся многими отважными подвигами, но потом дезертировал». Рабы и колоны, солдаты и городская беднота стекались под его знамена, и скоро у Матерна образовалась большая революционная армия. «Сначала, — пишет Геродиан, — он производил разбой, опустошая поля, и грабил население. Но, сделавшись обладателем больших богатств, он привлек к себе большое число злодеев, обещая им великие благодеяния и раздел добычи. После этого он стал уже не разбойником, а опасным врагом».

Армия Матерна была хорошо вооружена и вступала с правительственными отрядами войск в успешные открытые бои. Она осаждала и захватывала даже укрепленные города. Восставшие везде разбивали двери тюрем и выпускали на свободу заключенных, которые присоединялись к восставшим. В своих прокламациях Матерн призывал на свою сторону всех угнетенных и бедняков, обещая им свободу и лучшую жизнь. «Эти злодеи, — пишет Геродиан, — нападали на большие города, разбивали тюрьмы, освобождали от оков всех заключенных в них по какой-либо вине, обещали им безопасность, благодеяния и вовлекали в свой союз».

Из Галлии движение перебросилось в Испанию. «Пройдя всю страну кельтов и иберов, — пишет Геродиан, — они нападали на крупнейшие города, одни сжигали, а другие, разграбив, оставляли».

За этими скудными словами Геродиана чувствуется большой размах восстания Матерна. Геродиан, правда, трактует революционную армию Матерна как простую шайку разбойников и воров. Для него, представителя рабовладельческого класса, Матерн, поднявший оружие против этого класса, — только злодей и дезертир, а все, кто становился под его знамена, только преступники, банды убийц и воров. Но в действительности перед нами мощное революционное движение поработанных и угнетенных масс, которое возглавил и организовал простой солдат Матерн.

¹ SHA, Commod., 16, 2: «desertores innumeri Gallias tunc vexabant».

² Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Партиздат, 1937, стр. 142.

Насколько серьезно и мощно было это движение, можно ясно видеть из того, что местные римские власти не могли с ним справиться. Они настойчиво требовали от императора Коммода принятия энергичных мер. Понадобилась организация специальной армии. Коммод послал в Галлию одного из своих офицеров, Песценния Нигера, с несколькими легионами. Кроме того, он назначил главнокомандующим войск, действовавших против восставших, легата Лионской провинции Септимия Севера, человека искусного и решительного, предоставив ему в пределах поставленных задач чрезвычайные полномочия¹. После упорных боев Септимию Северу удалось прижать армию Матерна к Альпам, разбить ее, отбросить остатки за Альпы, в Италию, где они и были уничтожены. Сообщение Геродиана о гибели Матерна похоже скорее на легенду. Он передает, будто бы Матерн со своими приближенными «по одиночке, тайно, непроходимыми тропинками пробрался в Италию», проникли в Рим, задумали убить императора Коммода и захватить верховную власть. Заговорщики, по словам Геродиана, сговорились собраться в Рим ко дню весеннего праздника в честь великой матери богов, во время торжественной процессии вмешаться в отряд телохранителей Коммода, напасть на него, заколоть кинжалами и провозгласить Матерна. Но заговорщики позавидовали Матерну и выдали его. «И еще до праздника,—пишет Геродиан,—Матерн был схвачен и обезглавлен, а его соучастники понесли заслуженное наказание».

После подавления восстания Матерна не настало полного спокойствия в Галлии. В 192 г., когда разгорелась борьба за императорскую власть между Септимием Севером и Клодием Альбином, провозгласившими себя в Галлии, там действовали революционные отряды дезертиров, колонов и рабов². После победы над Клодием Септимий Север должен был специально заняться ликвидацией этих отрядов, которые успели прочно закрепиться в некоторых местах³. В конце концов Север со свирепой беспощадностью уничтожил повсюду эти отряды.

Но и в период Северов в Галлии было неспокойно. Многочисленные «разбойники» (*latrones*) опустошали Галлию, и для борьбы с ними требовались значительные военные силы. Одна случайная надпись, датированная 213—215 гг., говорит о посылке военных отрядов *adversus defectores et rebelles*, действовавших в пограничных с Германией областях⁴. Очевидно, это действовали бежавшие из магнатских поместий колоны и рабы совместно с дезертирами. В эпоху Северов в Галлии, как и в других провинциях, появились многочисленные отряды таких «опустошителей и мятежников», называемых в источниках «разбойниками». Руководимые опытными и храбрыми вождями, эти «разбойники» сделали страшную угрозу для галльских магнатов. Они нападали на поля и виллы богатей и находили полное сочувствие среди рабов и колонов, населявших магнатские поместья.

О широком развитии такой формы классовой борьбы при Александре Севере (222—235) и о сочувствии к таким «разбойникам» со стороны угнетенного населения мы можем заключить из того, какое внимание уделяет Ульпиан в гл. VII—*De officio proconsulis* вопросу об укрывателях «разбойников» (*Dig.*, I, 48, 3, pr.). Вместе с тем в «Дигестах» мы встречаем многочисленные постановления о беглых рабах и дезертирах и о мерах, какие необходимо принимать для их поимки. Надписи говорят об учреждении в провинциях Запада, в том числе и в Галлии, специальных должностей для борьбы с «разбойниками»⁵ и об учреждении широко разбросанной сети

¹ SHA, Sever., 65; Niger., 75.

² Dio Cass., LXX, 5; C. Jullian, Histoire de la Gaule, t. IV, стр. 515.

³ CIL, II, 4114; SHA, Sever. 12, 1, 3; Herod., III, 7, 1.

⁴ CIL, III, 10471—73; Dessau, Inscriptiones latinae selectae, 1153.

⁵ Dig. I, 48, 13 pr.; Ulpian, c. VII—*De officio proconsulis*.

военных постов (*stationes*). Однако «разбойники», вооруженные не хуже римских когорт, все более размножались, и никакие усилия правительства, никакая политика террора не могли ликвидировать их.

Во второй половине III в., в период развития в империи всеобщего кризиса, в Галлии началась продолжительная гражданская война между претендентами на верховную власть и попытки отделиться от империи. Страну охватила политическая анархия, происходили восстания в частях войск, промышленность и сельское хозяйство пришли в упадок. На улицах разрушенных городов и разграбленных деревень бродили обездоленные и нищие люди.

В это же время начались и волнения багаудов, которые организовались в отряды, опустошали деревни и пытались брать города. При галльском императоре Тетрике (270—273) движение багаудов особенно возросло. Багауды взяли один из самых больших городов Галлии, столицу эдуев, Августодун (ныне Отен).

Наши источники передают об этом событии так. Город Августодун отложился от Тетрика и, признав власть римского императора Клавдия II (268—270), обратился к нему с просьбой перейти Альпы и восстановить в Галлии мир¹. Тетрик выделил часть армии для осады восставшего города. Но во время осады солдаты подняли мятеж и присоединились к толпам багаудов, подступивших к Августодуну. Город осаждался восставшими в течение семи месяцев. Не имея возможности дольше оказывать сопротивление, он принужден был открыть ворота восставшим. Багауды захватили власть и обрушили свой гнев на знатных и богатых людей.

Описание этого события мы находим в речи Евмения (*Paneg. lat.*, IV, 4), произнесенной, вероятно, в 296—297 г., по случаю восстановления августодунских школ, разрушенных багаудами². Евмений рисует взятие Августодуна, славившегося своим богатством и красотой и бывшего центром просвещения в Галлии, как огромную катастрофу, которая отозвалась во всей империи. Когда город был взят, все было уничтожено беспощадно: множество храмов и дворцов, водопроводы, бани, знаменитые школы. Не были пощажены и частные дома наравне с общественными зданиями, а стены города были разрушены и сравнены с землей. Очевидно, под городом и в самом городе происходили упорные и ожесточенные бои. Евмений красочно описывает несчастья, постигшие богатых и знатных жителей Августодуна. Они были частью истреблены, а частью, обезумев от страха, бежали, оставив все свое имущество на произвол судьбы. В числе таких беглецов был один родственник поэта Авзония, по имени Арборий. Багауды конфисковали его имущество и приговорили его к смертной казни, но ему удалось бежать, и после долгих скитаний он пришел в город Тарб у подошвы Пиренеев; обедневший и голодный, этот галльский магнат был готов на всякий труд, чтобы только заработать на жизнь³.

После взятия Августодуна среди галльской знати возникла паника. Сам Тетрик пришел в замешательство, так как положение становилось грозным. Восстание багаудов быстро разрасталось. К ним присоединились

¹ *Paneg. lat.*, VIII, 2, 4: «*divum Claudium ad recuperandas Gallias primi sollicitaverunt*».

² Евмений, знаменитый ритор III в. (260—311), был профессором красноречия в Августодуне и секретарем Констанция I Хлора (293—306). Когда в 296—297 гг. Константин Хлор восстановил Августодун и его знаменитые школы (*scholae Mochianae*). Евмений произнес по этому случаю одну из самых блестящих своих речей (*Pro restaurandis scholis oratio*).

³ *Auson., Parent.*, IV: «*Arborium aeduo ductum de stemmate nomen Complexum multas nobilitate domus...*»

и части галльских войск¹. Один из командиров армии Тетрика, Фаустин, привлек на свою сторону рейнские гарнизоны и готовился выступить против него². С другой стороны, сменивший Клавдия II император Аврелиан, хорошо информированный о положении дел, весной 273 г. перешел Альпы, чтобы нанести Тетрику решительный удар и ликвидировать восстание угнетенных масс.

Очутившись между двух огней, Тетрик потерял голову. В страхе перед разгоравшейся революцией багаудов он тайно написал Аврелиану длинное письмо, в котором отказывался от борьбы с Римом и умолял Аврелиана восстановить в Галлии мир³. Письмо заканчивалось стихом из Вергилия: «О, непобедимый! Освободи меня от этих зол»⁴. Тетрик указывал Аврелиану расположение верных ему войск и предупреждал о диверсии, которую сам он вместе с сыном и друзьями предпримет во время боя, для того чтобы отдаться под защиту римских войск.

Обе армии вскоре встретились на берегу Марны в почти пустом городе Шалоне⁵. При начале сражения Тетрик выдвинул вперед свои отряды для атаки, позволил окружить себя и передался Аврелиану. Оставшись без руководства, армия Тетрика быстро расстроилась, и ее разгром был полный, несмотря на то, что рейнские легионы под командой Фаустина продолжали сражаться с упорной отвагой и мужеством⁶.

Так окончилась попытка галльских сепаратистов создать независимую от Рима галльскую империю. Перед лицом восстания поработенных масс—багаудов—Тетрик изменил делу освобождения Галлии от римского гнета и сам призвал на помощь римскую армию, которая несла с собой национальный и социальный гнет. Предательство Тетрика дозволило Аврелиану разбить мятежные части войск и с беспощадной жестокостью повсеместно подавить восстание багаудов. Галлия была усмирена и присоединена вновь к римской державе. Благодарные галльские аристократы ставили в честь Аврелиана посвячительные камни с надписью: «Умиротворителю и восстановителю вселенной, императору цезарю Аврелиану»⁷.

Сам Тетрик, которого даже Евмений называет предателем, получил высокую должность в Лукании, был наделен землей, а его сын был возведен в звание сенатора. Аврелиан до конца дней сохранил свое расположение к нему и считал его своим другом (SHA, Aurelian., 22, 2).

Через десять лет, в 283—286 гг., мы видим в Галлии новый, еще более грандиозный взрыв революции багаудов. Участниками восстания были главным образом сельские рабы и колонны, к которым присоединялись разоренные ростовщической кабалой мелкие свободные земледельцы, а также весь беглый и бездомный люд. Восстание началось в 283 г. при императоре Карине (283—285). Занятый борьбой с Диоклетианом, оспаривавшим у него трон, Карин не мог противодействовать движению. Как только его легионы, вызванные в Италию для борьбы с Диоклетианом, перешли

¹ SHA, Aurelian., 32, 3; O r o s., VII, 22; Cp. A u r. V i c t., De Caes., XXXV, 4; C. J u l l i a n., Histoire de la Gaule, t. IV.

² A u r. V i c t., De Caes., XXXV.

³ A u r. V i c t., De Caes., XXXV: «Nam Tetricus, quum Faustini praesidiis dolo corruptis militibus plerumque peteretur, Aureliani per litteras praesidium imploraverat».

⁴ E u t r o p., IX, 13: «Quin etiam per occultas litteras Aurelianum ita fuerat deprecatus, ut inter alia versu virgiliano uteretur: «Eripe me his, invicte, malis». Cp. O r o s., VII, 23.

⁵ Шалон был известен в римское время под именем Catalaunum или Durocatalaunum. Cp. E u t r o p., IX, 15; E u m e n., Panegy. ad Constantin., IV.

⁶ A u r. V i c t., De Caes., XXV: «uti rectore nullo solet, turbati ordines oppressi sunt».

⁷ Pacatori et restitutori orbis, imperatori Caesari Aureliano. A l l m e r, Inscriptions antiques de Vienne, стр. 31.

Альпы, движение багаудов быстро разрослось и превратилось во всеобщее восстание поработенных масс.

Рабы и колоны в магнатских поместьях убивали и ели господский скот, садились на рабочих лошадях и, вооруженные сельскохозяйственными орудиями, устремлялись к городам, уничтожая все на своем пути. Восставшие громили и сжигали виллы сенаторов, куриалов, магнатов, расправлялись с императорскими чиновниками, экспроприировали земли и имущество богачей. Мамертин уподобляет это восстание «нашествию чудовищных зверей»¹. «То было время,—пишет он,—когда напали земледельцы, не знающие воинского обычая, когда пахарь превратился в пехотинца, пастух—во всадника, когда поселянин опустошал свои посевы, подражая варвару-врагу».

Евтропий (IX, 20) говорит, что восстание поселян (*rusticani*) вызвало панику во всей Галлии, так как восставшие экспроприировали магнатские земли, забирали хлеб, скот и другое имущество и грабежами нарушали покой их владельцев. Аврелий Виктор (*De Caes.*, XXXIX) также говорит об экспроприации земель и имущества магнатов.

Менее чем через месяц багауды организовали вооруженную по римскому образцу армию. Можно почти с уверенностью предполагать, что и теперь основное ядро этой армии составили римские солдаты, перешедшие на сторону багаудов. Можно также предполагать, что и вожди багаудов, Элиан и Аманд, были, как и Матерн, простыми римскими солдатами. Багауды провозгласили их императорами, и они приняли титулы: Аманд—императора, а Элиан—цезаря, знаки императорского достоинства и даже чеканили свои монеты, из которых некоторые дошли до нас².

Своим опорным пунктом Аманд и Элиан избрали одну крепость-замок в Бельгике, в области паризиев, расположенную на реке Марне, немного ниже слияния ее с Сеной. Основание этой крепости приписывали Юлию Цезарю. Это была очень удобная для защиты и сильная крепость, окруженная с трех сторон изгибами русла реки, очень глубокой в этом месте. Через реку был переброшен единственный мост, над которым крепость господствовала. С западной стороны, где крепость примыкала к суше, ее прикрывала высокая и толстая стена, а также большой ров, куда подведена была вода из Марны, так что крепость была окружена водой со всех сторон, как будто бы стояла на небольшом острове³.

Из этого центра Элиан и Аманд руководили всеми боевыми операциями багаудов и организовали здесь новые вооруженные отряды из стекавших сюда со всех сторон колонов, рабов и свободной бедноты. Восстание развивалось очень успешно, революция захлестнула и грозила потопить всю галло-римскую знать. Части римских войск, бросаемые против багаудов, отказывались сражаться или же перебежали на их сторону. Опасность для рабовладельцев создалась очень большая.

Тогда император Диоклетиан решил отправить в Галлию большие военные силы во главе с верным другом своим Максимяном. «Именно,—пишет Аврелий Виктор (XXXIX 17—19),—когда Диоклетиан узнал, что Элиан и Аманд, собрав шайку поселян и разбойников, которых местные жители называют багаудами, опустошают на широком пространстве поля и нападают на многие города, тотчас отдает приказ Максимяну, верному другу, хотя и полудеревенскому, однако хорошему и талантливому военачальнику... Отправившись в Галлию, он разбил врагов или принял сдавшихся и в скором времени все успокоил».

¹ *Mamertyni panegy. Maximiano, 4, Panegy. lat., ed. Bachrens. Lipsiae, 1914, стр. 265: «an non illud malum simile monstrorum biformium in hisce terris fuit...»*

² См. у Mionnet'a и Eckhel'я монеты Аманды.

³ *Rerum gallicarum et francicarum scriptores, III.—Vita s. Baboleni, стр. 569.*

Однако подавить революцию багаудов было не так-то легко. Диокле-тиан должен был стянуть в Галлию значительное число самых надежных и испытанных войск и между прочим двадцать второй легион, называемый фиванским, так как он квартировал зимой в городе Фивах, в Верхнем Египте. Диокле-тиан возлагал на этот легион особенные надежды, так как он занимал в римской армии видное и почетное место. Храбрость его солдат и неизменные победы в боях с врагом заслужили ему название «счастливого легиона»¹.

Инструкции Максимиана гласили, что различные отряды войск, отпращенные с Востока, из Греции и Италии, около середины сентября 286 г. должны были соединиться в Октодуруме (Octodurum), первом галльском городе у спуска с Пеннинских Альп². Когда прибыли в назначенное место все отряды, Максимиан сделал смотр войску и торжественным жертвоприношением открыл кампанию против багаудов.

Начало этой кампании отмечено в христианских источниках одним сообщением, в котором мы можем признать отражение исторического события. Болландские «Акты св. Маврикия» рассказывают, будто Максимиан перед началом похода приказал целиком истребить знаменитый двадцать второй фиванский легион, якобы весь состоящий из христиан. Акты рассказывают, будто три старших офицера легиона—центурион Маврикий, кампидуктор Экзуперий и Кандид—от имени всего легиона дали клятву папе Марцеллину отказаться от повиновения императору, если он под предлогом войны против багаудов прикажет легиону выступить на преследование христиан. Когда когорты двадцать второго легиона прибыли в назначенное место и им приказано было выступить против христиан, они подняли бунт и отказались поднимать оружие против своих братьев по вере. Легион стоял в этот момент между Агауном (Agaunum)³ и Октодурумом в так наз. Агаунском ущелье. Максимиан рассвирепел от этого неповиновения и приказал применить децимацию к восставшим когортам. Казнь совершилась. Но оставшиеся в живых солдаты снова отказались выступить с оружием в руках против христиан. Тогда Максимиан приказал применить к ним вторую, а затем и третью децимацию. Но когорты продолжали бунт. Потеряв всякую надежду сломить сопротивление солдат, Максимиан приказал истребить весь легион. Были вызваны преданные Максимиану части войск, которые окружили двадцать второй легион, и началось избивание. Солдаты не оказывали никакого сопротивления. Они сами клонили головы под меч, и кровь лилась ручьями. Таким образом было убито 6 000 человек—обычное число солдат в римском легионе.

Таков рассказ, передаваемый болландскими актами св. Маврикия. Католические писатели пытаются доказать его правдивость и историческую достоверность. Указывают, главным образом, на то, что составителем актов св. Маврикия был действительно и бесспорно Евгерий, епископ Лионский, который умер в 454 г. Он написал рассказ «о мученичестве фиванского легиона» между 400 и 430 годами и при составлении будто бы воспользовался рукописью Максимиана, епископа города Трира (Augusta Trevirorum), умершего в 350 г.

Однако Евгерий жил уже спустя сто лет после Максимиана, он не современник описываемых событий, а потому большой научной ценности его рассказ иметь не может. Утверждение же болландистов, будто сам Евгерий

¹ Legiofelix, см. список легионов у Brottier et J. Lipse. Militiaromanorum. Sp. Fortunat., Carm., VIII, 4; Gregor. Turon., Glor. martyr., 1, 75; Acta s. Mauricii, praefatio.

² Октодурум—нынешний город Мартиньи в кантоне Валлис, в Швейцарии.

³ Agaunum—теперь город С.-Морис в Швейцарии, на реке Роне.

заимствовал рассказ из рукописи трирского епископа Максимиана, совершенно бездоказательно.

Кроме того, о таком, казалось бы, исключительном событии, как поголовное избитие целого легиона, решительно ничего не говорят нам нехристианские писатели, описывающие те времена, когда произошло предполагаемое событие. Ни Евтропий, ни Аврелий Виктор, ни другие писатели ничего не говорят о нем. Да и сами христианские писатели IV в., описывающие гонения Диоклетиана и Максимиана, как, например, Лактанций и Евсевий Кесарийский, ничего не говорят о нем.

Помимо этого, совершенно невероятно, чтобы в эпоху Диоклетиана целый римский гарнизон состоял исключительно из одних христиан. Невероятно, чтобы при всей своей жестокости Максимиан решился на уничтожение целого легиона, «счастливого» фиванского легиона, отличавшегося храбростью в боях. В актах св. Маврикия мы встречаем и хронологические несообразности. Так, например, в них фигурирует папа Марцеллин. На самом же деле в описываемое время (286 г.) римским епископом был не Марцеллин, а Кай. Марцеллин занимал римскую кафедру позднее (296—304).

Поэтому мы должны отвергнуть историческую достоверность рассказа о «мученичестве фиванского легиона», будто бы пострадавшего за дело веры. Мы должны зачислить этот рассказ в разряд христианских легенд и считать его позднейшим вымыслом церкви, превратившим мощное революционное движение багаудов в чисто религиозную борьбу христиан за свободу своей веры.

Но возможно, что эта легенда в искаженном виде все же отразила событие, имевшее место в действительности. Солдаты фиванского легиона, конечно, не были христианами, но они могли поднять бунт и отказаться выступить с оружием в руках против багаудов, своих братьев по классу. В действительности не было ничего невероятного и исключительного в том, что легион римских солдат отказался выступать против восставших угнетенных масс и что при таких обстоятельствах Максимиан для устрашения и наказания солдат применил децимацию. Это событие не стояло ни в какой связи с преследованием христиан, но оно могло послужить зерном для возникновения христианской легенды. В галльской церкви долгое время хранилась память о жестокости Максимиана по отношению к христианам. Историки говорят, что Максимиан был, действительно, фанатиком и жестоким человеком. Во время его правления имели место преследования христиан в Галлии. Церковная традиция, несомненно, преувеличила их, но такие гонения были, и они послужили почвой для создания легенд, в которых Элиан, Аманд и все галльские революционеры, как и весь двадцатый второй легион, преобразились в христиан, мученически пострадавших за дело своей веры¹. Так вообще создавала христианская церковь и сотни других легенд о гонениях и мучениях христиан.

Начав свой поход, Максимиан перевалил через горную цепь Юры и вступил со своей армией на территорию эдуев, больше всех других охваченную восстанием. То, что увидел Максимиан, превзошло все его ожидания. Везде были невозделанные, пустые поля, брошенные или почти безлюдные деревни, большинство городов были разрушены, некоторые из них были захвачены багаудами, а другие день и ночь охранялись милицией во избежание неожиданного нападения багаудов. Страх обуял галло-римскую знать, и повсюду царил паника. Не было никакой уверенности в скорой помощи, никакой надежды на рейнские легионы, которые волно-

¹ Vita s. Baboleni: «Amandus et Helianus christianae cultores fidei nolebant romanis principibus sacrilegis subdi».

вались и которых боялись не меньше, чем багаудов (Panegyг. lat., IV, 4).

Панегиристы пытаются подчеркнуть, что Максимиан при подавлении восстания проявил снисходительность и милосердие и что поэтому подавить восстание ему не стоило большого труда. «Не знаю, цезарь,—пишет Мамертин (Paneg. Maxim., II, 4),—что скорее, твоя ли храбрость подавила, или милосердие умиротворило нападение поселян... Я упоминаю об этом бегло, ибо вижу, что сообразно с твоим благочестием забвение этой победы ты предпочитаешь славе от нее». Мамертин и другие писатели представляют дело так, будто бы Максимиан своей снисходительностью привлек на свою сторону большинство восставших голодных колоннов и рабов, распределил среди голодающих крестьян войсковой провиант, а затем обрушился со всей беспощадностью на «разбойников» и на тех, которые «упорствовали», не желая возвращаться на магнатские поля. Евтропий (IX, 26) прямо пишет, что победа досталась Максимиану очень легко. Аврелий Виктор также замечает, что, «отправившись в Галлию он разбил врагов или принял сдавшихся и в скором времени все успокоил»¹.

Но это только по официальным версиям. На самом деле подавление восстания потребовало огромных усилий и стоило Максимиану больших жертв. Сочувствие широких масс багаудам пугало Максимиана, и, вступив в Галлию, он начал беспощадный террор по отношению к «мужикам». Он заливал потоками крови деревни и села и медленно продвигался вперед, не решаясь вступить с багаудами в открытый бой. Наконец, возле Кусси (Cussy) в Бургони он встретился с революционной армией. Здесь произошло большое сражение, в котором багауды потерпели поражение.

Разбитая армия Аманда и Элиана, оттесняемая все далее, сосредоточилась в своей главной крепости на Марне. Война продолжалась там с необычайным ожесточением. Багауды засели в крепости и геройски оборонялись от превосходившего их численностью и вооружением врага. Только после долгой осады, когда защитники крепости были уже истощены от голода и утомления, крепость была взята. Расправа Максимиана была беспощадной. Все, что находилось в этом последнем убежище багаудов, было истреблено мечом и огнем². Максимиан приказал срыть крепость до основания, засыпать каналы и рвы, вырыть даже камни, на которых был заложен замок, и от грозной крепости багаудов остались только груды развалин.

Народное предание назвало это место «замком багаудов»³. Долгое время оно было заброшенным и пустынным, и только около половины VII в. монахи-бенедиктинцы основали тут монастырь, который в XII в. был посвящен св. Мару, одному из непосредственных учеников Бенедикта (St. Maur sur les fosses). Монахи нашли на этом месте в земле остатки человеческих костей, собрали их и сделали предметом христианского культа.

Однако католическая церковь официально не причислила к сонму своих святых двух храбрых вождей угнетенных масс—Элиана и Аманда. Эти защитники бедных и угнетенных не удостоились быть в свите Христа. Но в народном предании они стали святыми, и память о них, как о борцах за освобождение народа, продолжает жить во французской деревне и сейчас.

¹ Aur. Vict., De Caes., XXXIX; ср. Gros, Hist., VII, 25: «facile agrestium hominum imperitam et confusam manum militari virtute composuit».

² Vita s. Baboleni: «Tunc Caesar inde progrediens, tamdiu obsidione illud terra et aqua circumdedit, quosque post diuturna tempora illud cum habitationibus cepit, quos ferro et igni occidit».

³ Там же. См. Rerum gallicarum et francicarum scriptores, III, стр. 569.

Восстание багаудов было подавлено в 286 г., и сейчас же начался жестокий массовый террор в стране. Императорская полиция, наместники провинций, муниципальные магистраты и другие имперские чиновники всех классов должны были отдать себя на дело сыска. Многочисленные отряды военизированной полиции рассеялись по селам и городам. Сам префект претория Рикций Вар немедленно прибыл в Галлию, чтобы лично руководить казнями и розысками подозрительных и опасных лиц. Этот террор был направлен и против христиан, и о нем мы узнаем из христианских источников. В христианских легендах Рикций Вар рисуется как жестокий гонитель и кровавый мучитель христиан, как инициатор и руководитель массовых казней, заливший христианской кровью всю Галлию¹.

Максимиан старался искоренить в Галлии всякий дух неповиновения и своеволия, чтобы впредь предотвратить всякую возможность повторения революции багаудов. Рикций Вар отправлял на казнь всех, кто казался ему почему-либо опасным и подозрительным. Более всего пугало Максимиана настроение солдат. Боялись заговоров в частях войск и искали мятежников среди солдат. По всем главнейшим городам и крепостям Галлии была произведена основательная чистка гарнизонов. Иногда экзекуции и казни военных совершались в массовых размерах. Казнили зараз по 200—300 человек². Два поражения багаудов (273 и 286 гг.) и массовый террор повели к упадку движения. Разгромленные, обескровленные и зверски замученные багауды долгое время не пытались поднять всеобщее восстание. В течение IV в. таких восстаний, повидимому, не было, во всяком случае наши источники ничего не говорят о них. Но багауды и «багаудия» не были уничтожены, как не были уничтожены и причины, порождавшие их. Классовая борьба поработанных масс продолжалась, только она приняла форму партизанской борьбы. Скрываясь в лесах, горах и среди болот, затравленные, как дикие звери, голодные и нищие багауды вели свою революционную борьбу. Они были попрежнему страшны и грозны для галло-римских магнатов. Часто большие отряды выходили из своих убежищ и обрушивались на замки и поместья богачей. Они врвались внезапно в магнатские поместья и, находя там сочувствие среди сотен колон и рабов, поджигали виллы и дома, убивали господ, забирали в амбарах хлеб, а в складах—оружие, драгоценности и ткани.

Римское правительство было бессильно ликвидировать такую партизанскую борьбу. Отрывочные сведения источников дают нам возможность заключить, что во второй половине IV в. движение багаудов стало снова возрастать. Мамертин прославляет императора Юлиана (361—363) между прочим и за то, что, будучи правителем Галлии, он обуздал «наглых разбойников», действовавших во многих областях³. Однако немного позднее, при императоре Валентиниане I, в 368—370 гг., движение багаудов вновь приняло большие размеры. «Между тем в Галлии,—пишет Аммиан Марцелиан (XXVIII, 2, 10),—наглый разбой все усиливался на всеобщую гибель. Особенно стали небезопасны большие дороги, и все, что обещало какую-нибудь поживу, расхищалось самым дерзким способом».

Новый подъем революции багаудов относится к V в. Галлия в это время переживала исключительные бедствия. Постоянные вторжения варваров и войны против них, непомерные налоги и повинности совершенно подрывали экономическое благосостояние широких кругов населения. Хуже

¹ A. m. Thierry, Histoire de la Gaule. Paris, 1840, t. III, стр. 24—27, где приведено много рассказов из Acta sanctorum.

² Ibid., стр. 27.

³ Panegy. lat., Mamerтини Gratiarum actio de cons. Juliano, 4: «Porro aliae quas a vastitate barbarica terrarum intervalla distulerant iudicium nomine a nefariis latronibus obtinebantur».

всего, конечно, приходилось низшим классам населения, в особенности сельским жителям—колонам, рабам и мелким собственникам. Положение мелких собственников в V в. сделалось действительно невыносимым. Разлагавшееся римское государство давило на них всею тяжестью податного бремени и высасывало из них последние соки. Налоги становились все тяжелее и собирались с исключительной жестокостью. Если верить показаниям некоторых писателей, Галлия в V в. обеднела от налогов. Уже в IV в. мы встречаем упоминания о снятии с жителей Галлии недоимок, накопившихся за целый ряд лет¹.

Аммиан Марцеллиан (XVI, 5), говоря о том, что Юлиан понизил в Галлии поземельный налог, прямо выражается, что Галлия не могла более дышать под таким бременем. Сидоний Аполлинарий много раз говорит о тяжести налогов². К этому присоединялись злоупотребления и взятничество чиновников фиска. Самые горькие упреки Сальвиана направлены против сборщиков податей (*exactores*) и против того, что он называет *vis exactionis* (*De gub. Dei*, V, 17—29).

Развитие патронизма еще усугубляло тяжелое положение мелких собственников. Сальвиан говорит об алчных патронах, превращавших свободных земледельцев в своих рабов. Многие бедняки,—пишет он, задуренные налогами и материальной нуждой, «оставляют свои огородишки и домишки, чтобы спастись от притеснений, и, поставленные в безвыходное положение, они обращаются к последнему средству. Они отдают себя под покровительство и защиту богатых, делаютя их рабами (*dedititii*) и, так сказать, передают себя их власти и суду... Своим покровительством те грабят бедных и, защищая несчастных, делают их тем еще более несчастными». Ставши колонами богачей, бедные «налагают на себя ярмо и доводятся до такой крайности, что теряют и права, и имущество, и состояние... и, лишаясь всего, лишаются и собственности и права свободы... люди свободные обращаются в рабов» (V, 4—9).

В такой обстановке движение багаудов приобрело огромную силу и широкий размах.

Целые провинции, по выражению Проспера, «посвящались в багауды»³ и поднимали знамя восстания против римских обанкротившихся властей. Храбрые революционеры-багауды стали теперь основной силой в освободительной антиримской борьбе. Основную массу багаудов составляли и теперь *rusticani*—сельские колоны и рабы. На них стали опираться галльские патриоты в своей антиримской борьбе.

Первая мощная волна революции багаудов, слившейся с национально-освободительной борьбой, падает на 408—411 гг. В это время восстание рабов и колонов бушевало почти по всей Галлии. Одновременно против римского ига восстало свободное население той части Галлии, которая называлась Арморикой. «Вся Арморика,—пишет Зосим (VI, 5)—и многие галльские провинции, взяв в руки оружие, начали мужественно сражаться во имя собственных интересов, освободили свои города от варваров, изгнали римских чиновников и установили подходящее для себя правительство». В Арморике была провозглашена независимая от Рима федерация городов. Это была очень обширная область, которая заключала в себе пять провинций—две Аквитании и три Лионских провинций—и до сорока девяти городов⁴. Современники называли восставших армориканцев багаудами⁵, и императорские эдикты, относящиеся к этому

¹ Panegy. lat., Gratiarum actio Constantino, II, 14; A u s o n., Gratiarum actio, 16.

² S i d o n. A p o l l., Epist., II, 1; V, 13; VII, 7; Carm. V, 446.

³ P r o s p e r., Chron., an. 435: «in Bagaudam conspiravere».

⁴ Notitia dignitatum, Occ. XXXVII.

⁵ P r o s p e r., Chron., an. 435.

времени, также не делали различия между багаудами и отпавшими армориканцами. Так, например, указ императора Гонория (395—423) от 409 г. (Cod. Theod., IX, 21, 1) запрещает давать детей на воспитание в отпавшие от империи области и жителей таких областей называет багаудами, «ибо по их действиям обнаруживается, что они сопричислили себя к разбойникам».

Однако власть в независимой армориканской федерации принадлежала рабовладельцам-эксплоататорам. Поэтому в Арморике не было и не могло быть социального мира. Рабы и колонны не получили свободы и поэтому продолжали борьбу. На протяжении трех лет рабы и колонны поднимали в Арморике частые восстания и сотрясали угнетавшее их господство эксплуататоров. В многих армориканских городах, повидимому, кипела классовая борьба, и власть, возможно, переходила на время даже в руки рабов¹. Последние, однако, не могли удержать власть в своих руках и укрепить свое господство. Эта классовая борьба облегчала римскому правительству борьбу с отпавшими областями. Вероятно, в 412 г. федерация армориканцев была уничтожена, и тогда же с помощью вестготов было подавлено восстание рабов.

Вторая мощная волна революции багаудов падает на 435—437 гг. В эти годы движение багаудов опять приняло характер всеобщего восстания рабов и опять совпало с подъемом национально-освободительной борьбы. В хронике Проспера под 435 г. читаем, что в это время Трансальпийская Галлия отпала от Рима, причем вождем восстания был некий Тибато. Вместе с тем хроникер отмечает, что в это время «почти все рабы Галлии взяли за оружие и присоединились к багаудам»². Против восставших сначала действовал будущий император Майориан. Он вел крупные бои на Сене, на Луаре и на реке Алье, левом притоке Луары. Однако все его попытки подавить восстание были неудачны. Только в 437 г. главнокомандующему военными силами Западной империи Аэцию удалось захватить Тибато и на время подавить движение³. Затем движение багаудов в Арморике снова возобновилось. В 448 г. здесь происходило большое восстание. К багаудам в это время примкнули и недовольные римской властью демократические группы свободного населения. Некий врач Евдоксий в источниках называется тайным руководителем багаудов. Он принимал участие в восстании, а потом бежал к Аттиле⁴. В это время против багаудов действовал вождь вторгнувшихся в Галлию аланов, по имени Гохар, или Гоар, которого наши источники называют «самым свирепым» королем. Он получил от Аэция поручение подавить восстание в Арморике и открыл военные действия против багаудов и их союзников. Вероятно, к 451 г. римскому правительству удалось окончательно подавить восстание, так как в этом году Арморика боролась на стороне Аэция против вторгнувшегося Аттилы.

¹ S. Jullian, Hist. de la Gaule, t. VIII, стр. 176 приводит стих из поэмы Рутилия Нуматиана: «et servos famulis non sinit esse suis». В этом стихе содержится прямое указание на революцию рабов в Арморике.

² Prosper., Chron., an. 435: «Gallia ulterior Tibatonem principem rebellionis secuta, a Romana societate discessit: a quo tracto initio, omnia paene Galliarum servitia in Bagaudam conspiravere». Галлия ulterior—это та же Арморика (tractus Armoricanus). В хронике Сигеберта, очевидно, имеются в виду те же события, но район восстания указан ошибочно в Галлии Цизальпийской, а вождь восстания назван Батто. Sigeberti Chron., an. 435: «Gallia citeriore a Battone principe in rebellionem commota, conspiravere in Bagaudam omnia paene Gallorum servitia». См. еще хроникера Сигеберта в «Scriptores rerum germanicarum», t. I, ed. 1726: «Gallia citeriore ab Attone principe in rebellionem commota» (вождь восстания здесь назван Аттоном).

³ Prosper., Chron., an. 437: «Capto Tibatone, et caeteris seditionis partim principibus vinctis, partim necatis, Bagaudarum commotio conquiescit».

⁴ Prosper., Chron., an. 448: «Eudoxius arte medicus, pravi sed exercitati ingenii. in Bagauda id temporis mota delatus, ad Chunnos confugit».

К половине V в. движение багаудов распространилось и в северной Испании. Испанские багауды в своей основной массе также состояли из рабов и колонов. В конкретных условиях распада римского государства и вторжения германских племен народные массы Испании также переживали большие бедствия, которые усугублялись продолжительным хозяйничаньем варваров в угнетенной стране. Поэтому и здесь к восстанию багаудов присоединялось свободное население городов и деревень, стремившееся к освобождению от римского и варварского гнета и к независимой политической жизни. У нас имеется целый ряд отрывочных указаний на то, как вестготские короли совместно с римским правительством на протяжении многих лет душили героическую борьбу испанских багаудов.

В хронике Идатия под 441 г. читаем: «Астурий, начальник военных сил в Галлии, посланный в Испанию, избивает множество таррагонских багаудов». Очевидно, Таррагона, один из самых крупных городов римской Испании, сделался центром революционного движения багаудов. Другим таким центром была Арациола (Araciola), современная Наварра, область басков, которые и после своего покорения сохраняли любовь к свободе, храбрость и жажду мести. В хронике Идатия под 443 г. читаем: «К Астурию, начальнику того и другого войска, посылается в качестве преемника зять его Меробавд... За короткое время своей власти он сокрушает надменность арацеллитанских багаудов». Продолжавшийся гнет римских чиновников давал испанским багаудам все новых и новых приверженцев. Поэтому багауды оставались непобедимыми. Они сделались настолько сильны, что образовали целые союзы и федерации для борьбы против римского и варварского ига. В хронике Идатия под 449 г. читаем: «Базилий в доказательство своего отменного дерзновения убивает багаудов, объединенных в союз, когда они собрались в Тирлассонской церкви».

Разлагавшаяся империя, неспособная справиться с движением багаудов, обратилась к помощи вестготов, которые в 454 г. разгромили главнейший центр багаудов—Таррагону. «Фредерик, брат короля Теодориха,—читаем мы в хронике,—избивает таррагонских багаудов на основании приказа Рима».

Но и после этого разгрома испанские багауды еще долгое время затрудняют римских и вестготских полководцев. В 458—460 гг. император Майориан предпринял военный поход в Испанию и действовал там против багаудов. А по истечении тридцати слишком лет, когда вестготы уничтожили уже последние остатки римского верховенства, багауды Таррагонии восстали против вестготского короля Алариха II (484—507). Это восстание вспыхнуло во время войны вестготов с франками и, вероятно, приняло большие размеры. К сожалению, подробных сведений о нем мы не имеем. Известно только, что подавление восстания стоило Алариху II огромного напряжения и что ему удалось захватить в плен вождя багаудов Бурдурелла (Burdurellus). Последний был привезен в Тулузу и там казнен в 498 г.¹ На этом заканчиваются наши сведения о багаудах.

¹ СМН, vol. II, стр. 161.

